

Цинь Цзычу прикрыл глаза. Сдерживая вздох, он мягко, но решительно высвободил руки из цепких объятий Люйцяо.

— Не надо, Люйцяо, — тихо произнёс он. — Не говори так. Мне и самому тяжело...

Девушка стояла перед ним, безуспешно смахивая рукавом безостановочно катящиеся слёзы. Цзычу молча смотрел на её рыдания, а затем, словно не выдержав, привлёк к себе. Обняв Люйцяо и ласково поглаживая по затылку, он прошептал:

— Глупенькая, ну полно тебе. Сердце разрывается на тебя смотреть.

— Молодой господин... Господин... — Люйцяо разрыдалась ещё сильнее. Словно обиженный ребёнок, она вцепилась мёртвой хваткой в полы его одежды.

Цзычу замолчал, лишь мерно похлопывал её по спине, позволяя выплакаться и выплеснуть всё, что накопилось на душе.

Прошло почти полчаса, прежде чем всхлипы затихли. Тем не менее Люйцяо по-прежнему прижималась к его груди, не желая отпустить.

Цзычу мягко взял её за плечи и слегка отстранил. На его губах играла тёплая улыбка:

— Ну что, выплакалась, замарашка? А то я, признаться, проголодался до смерти.

Щёки Люйцяо мгновенно вспыхнули. Она смущённо притопнула ножкой и шутливо упрекнула:

— Что же вы молчали!

Она поспешно развернулась и выбежала из кабинета.

Цзычу провожал взглядом её хрупкий силуэт, пока тот не скрылся за дверью. Тёплая улыбка мгновенно сошла с его лица.

Окружающая обстановка внушала ему глубокую тревогу.

Люйцяо явно вела тонкую игру. Она разыграла перед ним классическую драму растерянной влюблённой девицы — но разыграла настолько безупречно, что эта фальшь колола глаза. В её поведении не чувствовалось ни капли искренности.

Любовь и ревность — неразлучные сёстры.

Если бы Люйцяо действительно питала к нему нежные чувства, то в эту суровую эпоху Сражающихся царств, когда мужчины безраздельно властвовали над женщинами, а фаворитки получали власть и статус, её реакция на появление Чжао Цзи была бы иной. Вместо показного испуга и робкого замешательства она выказала бы глухую враждебность. Она боролась бы за своё место под солнцем, словно львица, защищающая добычу.

Цзычу подошёл к выходу и задумчиво застучал пальцами по косяку. Чёрное дерево отозвалось глухим, дробным стуком.

"Чжао Цзи делит со мной ложе, чтобы скрепить мой союз с Люй Бувэем. Это чистая политика. Но чего добивается эта девчонка?"

Размышления Цзычу прервал шорох у порога — там робко переминалась с ноги на ногу другая служанка.

Привычно нацепив маску мягкой приветливости, он повернулся к ней. Девушка, густо покраснев, поспешно сунула ему в руки тарелку с искусно украшенными сладостями и без оглядки бросилась прочь.

Опешив на секунду, Цзычу усмехнулся. Похоже, он действительно склонен усложнять очевидное.

Чего ещё могла желать Люйцяо? Изменить свою долю. В этом жестоком мире она оставалась всего лишь бесправной рабыней.

В древности у женщины из низов был единственный путь вверх, не считая слепой удачи рождения, — её собственная молодость, ум и красота. Будучи доверенным лицом Люй Бувэя в этом поместье, Люйцяо наверняка знала о планах хозяина вернуть беглого заложника в Царство Цинь. Стоило ей лечь под него, и она вмиг превратилась бы из подневольной служанки в наложницу циньского принца.

Сделка, выгоднее которой не придумаешь.

Цзычу мысленно задал себе вопрос: нужен ли ему под боком такой человек?

"Как ни прискорбно, но да. Нужен."

Обычный мужчина бежал бы от столь расчётливой девицы без оглядки, но у Цзычу не было выбора. Его окружали лишь Люй Бувэй, видевший в нём исключительно дойную корову для будущих политических дивидендов, да недалёкая Чжао Цзи, способная лишь ластиться и капризничать. Ни одной верной души, ни единого полезного инструмента в руках.

Аппетиты Люйцяо скромны — ей нужны лишь шёлковые платья, сытая жизнь да крыша над

головой. Пыль по сравнению с запросами Люй Бувэя, который метит в канцлеры и жаждет титулов, земель и безграничной власти.

Если Цзычу приблизит её, выгода перевесит любые риски. Он получит идеальный канал дезинформации. Люйцяо сможет умалчивать о том, что Люй Бувэю знать не положено, и скармливать своему истинному хозяину лишь то, что выгодно Цзычу.

Цзычу колебался не дольше секунды. Сделка была принята, а Люйцяо мысленно отправлена в категорию «пригретых змей», которых надлежало холить и держать на коротком поводке.

В своём прежнем, современном мире он умел ценить женщин, восхищаться их умом и душой. Но здесь, где между ними лежала пропасть веков и полное отсутствие общего языка, что могло связать его с местными красавицами? Разве что юное тело.

"Какое убожество," — усмехнулся он про себя.

Лицо его при этом оставалось безмятежным и приветливым. Он взял с тарелки сладость и отправил в рот. Кисловатый вкус раздражил аппетит, заставив желудок требовательно сжаться.

Вскоре в кабинет вернулась Люйцяо, неся поднос с горячим обедом. Цзычу тепло улыбнулся ей, забрал ношу и, подцепив пальцами оставшееся лакомство, вложил ей в рот.

Они обменялись долгими, полными скрытого значения взглядами. Залившись нежным румянцем, Люйцяо принялась бережно, с палочек, кормить своего господина.

"Ещё немного, и я решу, что меня парализовало."

Кулинария этой эпохи не блистала изысками: продукты в основном варили или тушили, а скудный набор специй не шёл ни в какое сравнение с современным разнообразием. Впрочем, чистый, первозданный вкус мяса и овощей с лихвой искупал простоту готовки.

Несмотря на навязчивую заботу служанки, обед удался на славу. Цзычу, однако, прекрасно понимал: нельзя давать Люйцяо повод думать, будто он уже у неё в кармане. В любовной игре ничто так не распаляет азарт, как лёгкая недоступность и чередование тепла и холода.

Он мягко перехватил у неё палочки, подцепил сочный кусочек и поднёс к её губам.

— Не думай только обо мне. Сама ведь наверняка ещё маковой росинки во рту не держала.

Люйцяо послушно приняла угощение и, прикрыв ладонью рот, чтобы не нарушать приличий, невнятно пробормотала:

— Не беспокойтесь о служанке, господин...

— Ну хорошо, — Цзычу одарил её мягким, понимающим взглядом, без слов говорившим: «Я знаю, как ты предана мне, и ценю это, так что не переживай».

Затем он наконец забрал инициативу и стал есть сам.

Люйцяо то и дело порывалась перехватить палочки, чтобы выслужиться и укрепить своё положение, но при каждой такой попытке Цзычу ласково улыбался и ловко отправлял очередной самый жирный кусок ей в рот.

В итоге едва ли не половина мясной нарезки перекочевала в желудок служанки. Оценив масштаб катастрофы по изрядно опустевшему блюду, Люйцяо поспешно заговорила:

— Ох, у меня ведь ещё дела несделанные... Кушайте, господин, а посуду я позже заберу.

И она торопливо выскользнула вон.

Оставшись наедине с постными остатками обеда, Цзычу удовлетворённо хмыкнул.

"Если эта девица вздумает крутиться у моего стола каждый день, клянусь, я закормлю её жиром, пока она не покроется прыщами и не раздастся в талии до размеров бочки. Нет на свете женщины, готовой пожертвовать красотой ради интриг."

Закончив трапезу, он поднялся из-за стола и решил прогуляться по двору. Следовало как можно подробнее изучить планировку усадьбы — на случай, если придётся спешно уносить ноги.

Стоявшие на карауле чжаоские ратники проводили его хмурыми, полными неприкрытой злобы взглядами. Вежливо проигнорировав их, Цзычу неспешно побрёл вдоль дорожки.

"А ведь Люй Бувэй действительно постарался," — невольно признал он, оглядываясь по сторонам.

Выбирать жильё ему не приходилось, однако убранство двора поражало изяществом. Повсюду высились искусно обработанные камни, а на деревянных деталях красовалась тонкая резьба и каллиграфические надписи. Будь у него желание стать послушной марионеткой в чужих руках, плыть по течению под опекой предприимчивого торговца было бы на редкость беззаботным делом. Но такая участь его категорически не устраивала.

Цзычу усмехнулся собственной слабости. На самом деле уступать контроль над своей жизнью он не умел и не любил.

Сейчас, пока от Люй Бувэя зависело его спасение и возвращение в Царство Цинь, он мог притворяться покладистым. Но когда дело дойдёт до деления власти, их столкновение станет лишь вопросом времени.

Едва эта мысль оформилась в голове, со стороны главных ворот донёсся многоголосый шум и шарканье множества ног. Озадаченный Цзычу направился к выходу и застал занимательную картину: Люй Бувэй, расплываясь в угодливой улыбке, ловко заталкивал пригоршню медных монет в рукав стражника.

— Ладно уж, Великий торговец Люй, — старший караульный незаметным движением прижал потяжелевший рукав к боку, и его недовольная мина мгновенно сменилась сниспытательной благосклонностью. — Мы всё осмотрели, ничего подозрительного нет. Пропускай своих людей.

Он небрежно махнул рукой, давая дорогу слугам, которые застряли в тесном проходе с тяжёлыми носилками, гружёнными связками бамбуковых дощечек для письма.

— Премного благодарен. Прошу вас, не оставляйте господина своими заботами, — елеинным голосом пропел Люй Бувэй, кланяясь воинам.

Перед лицом столь щедрой любезности стражники растеряли остатки спеси. Буркнув что-то неопределённое, они вернулись на свои посты и принялись прилежно смотреть сквозь снующую толпу слуг, будто тех и вовсе не существовало.

Люй Бувэй повернулся и направился к Цзычу. Заметив его облик, он удивлённо приподнял брови:

— Мой господин, отчего вы до сих пор не прибрали волосы? Гоже ли ходить простоволосым?

Цзычу небрежно провёл пальцами по гладким, струящимся прядям.

— Зачем прятать такую роскошь под заколками? — полушутя отозвался он. — Жаль губить природную красоту.

Люй Бувэй привык беречь «дорогой товар», а потому ловил каждое слово своего подопечного, каким бы ребячеством оно ни казалось. Его взгляд невольно скользнул по плечам юноши.

Иссиня-чёрные, густые локоны мягко очерчивали силуэт Цзычу, когда тот стоял, скрестив руки на груди. В лучах полуденного солнца эти пряди отливали глубоким, почти металлическим блеском. В Царстве Цинь, где превыше всего чтили чёрный цвет, подобные волосы казались бесценным сокровищем, напоминающим отблеск золотой жилы в недрах земли.

А уж к золоту у великого торговца была особая, нежная страсть.

— И то правда, — покладисто согласился Люй Бувэй, не сводя глаз с Цзычу. — Затянуть такую красоту в тугой узел было бы истинным кощунством.

Цзычу едва заметно улыбнулся. Длинные ресницы бросили мягкую тень на его скулы, а алые губы дрогнули в лёгкой усмешке, придавая лицу почти гипнотическую притягательность.

Мать прежнего Ин Ижэня, госпожа Ся, в юности славилась редкой красотой. Иначе ей никогда не удалось бы привлечь внимание наследного принца и подарить ему сына. К несчастью, она не владела искусством обольщения и быстро оказалась забыта во дворцовых покоях, однако сын унаследовал её черты во всей полноте. Обыкновенно лицо Цзычу казалось просто миловидным, но стоило ему улыбнуться, как этот взгляд заставлял забыть обо всём на свете, являя ту редкую прелесть, ради которой рушились царства.

У Люй Бувэя перехватило дыхание. Словно замороженный, он тихо проронил:

— Господин мой, ваша улыбка способна лишить покоя любого.

Цзычу на миг опешил, не ожидая от ушлого дельца столь двусмысленной любезности, граничащей с заигрыванием. Однако виду не подал. Его лицо тут же озарилось искренним дружелюбием:

— Встреча с вами, Великий наставник, всегда приносит мне радость. Как тут не улыбнуться? Если вам так любя моя компания, навещайте меня почаще.

В искусстве двусмысленного флирта и светской игры в кошки-мышки Цзычу, имевшему в прошлой жизни богатый опыт общения с мужчинами, равных в эту эпоху не нашлось бы при всём желании. Стоило ему с безупречно невинным видом произнести эти вкрадчивые слова, как лощёное лицо Люй Бувэя пошло пятнами от явного замешательства.

Цзычу внутренне изумился. Он и подумать не мог, что великий интриган уловит скрытый подтекст его слов с полунамёка.

"Кто бы мог подумать. Неужели великий канцлер Люй, чьё имя останется в веках, тоже предпочитает... обходные пути?"

<http://bllate.org/book/18277/1750271>